

Кофе, кот и кое-что о любви

Пелагея
Романова

Пелагея Романова

Кофе, кот и кое-что о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73038848

Пелагея Романова «Кофе, кот и кое-что о любви»: Издательство

«Перо»; Москва; 2025

ISBN 978-5-00270-439-2

Аннотация

«Кофе, кот и кое-что о любви» – это сборник изящных и вдохновляющих рассказов о женской судьбе. Главные героини Аня, Оля и Таня – три современные девушки, которые идут по жизни, наслаждаясь каждым моментом. Словно искушенные гурманы, они выбирают самые изысканные блюда из меню жизни: работают, путешествуют, мечтают, идут к своим целям. Кажется, что для счастья не хватает только одного – любви...

Девушки проходят через настоящие испытания, чтобы в конечном счете понять: глубина счастья заключается не в том, чтобы рядом был другой человек, а в умении сохранять внутреннюю легкость, замечать детали и смаковать жизнь, как глоток терпкого кофе.

Вместе с главными героинями вы переживете все самые яркие мгновения: будете слышать шум прибоя, музыку стильных баров, ощущать свежий бриз и прохладу летнего парка. Сердце начнет биться чаще от прикосновения к настоящему, глубокому

и искреннему. Книга поможет найти счастье в простых вещах и полюбить жизнь во всех ее проявлениях.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Часть 1. Аня	6
Главное – вместе	6
Тени в цифрах	14
В плену искусства	20
Любовь в Персидском заливе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пелагея Романова

Кофе, кот и кое- что о любви

© Пелагея Романова, 2025

* * *

Благодарю судьбу за все встречи, которые вдохновили меня на создание этой книги.

Спасибо моей прекрасной маме – ты всегда верила в меня!

Моим замечательным друзьям Даше и Лене: вы были не только моими первыми читателями, но и самыми терпеливыми. Простите за все пропущенные пятничные вечера, когда я снова и снова говорила: «Я не могу! Пишу!»

И, конечно, всем моим влюбленностям – счастливым, разным, неповторимым. Каждому, кто заставлял меня чувствовать.

Часть 1. Аня

Главное – вместе

Бог его знает, почему ее тянуло к этому высокому сутулому очкарику с шапкой взъерошенных волос. Он уж точно был не в ее вкусе. Так, тень от парня. Только глаза завораживали – темные бездонные колодцы, смотрящие вглубь собеседника.

А вот она была красивой и уверенной, заполняла собой целиком любое пространство, где оказывалась. Миниатюрная, хорошо сложенная блондинка, но такой она сделала себя сама: спорт, диета, косметологи, личный стилист превратили невзрачную заучку в стильную кошечку с ухоженными красными коготками. Уж она-то знала цену каждому штриху ее безупречного образа. Парни порхали вокруг мотыльками, обжигались, падали с подпаленным самолюбием, убеждая себя, что им не нужна такая странная, резкая. Так им было легче, чем признать свою блеклую унылость. Конечно, природа многих щедро одарила внешностью. Аня была эстетом и выбирала приятные глазу образы: красивые тела, лица, правда, пелена очарования рассеивалась утренним туманом при более близком знакомстве – скука, все она. Беззастенчиво пробиралась в кафе, театры, рестораны, садилась без

приглашения третьей и тихонько подмигивала. Аня знала: если Скука пришла – шансов у кавалера нет. Незваная гостья театрально закатывала глаза, бессовестно зевала в ответ на несмешные шутки и затянутые истории. Пока Аня старалась держать лицо и вежливо улыбаться, Скука развлекалась вовсю. Эта мерзавка, наметив жертву, шла до конца, доводя ситуацию до гротескного абсурда. И она всегда побеждала. Кавалер уходил в небытие, часто не успев понять, что пошло не так.

Петька появился в их группе на третьем курсе экономического факультета посреди семестра. Утром зашел на пару в аудиторию, поздоровался и спросил, свободно ли рядом. Аня кивнула и тут же про него забыла, переключившись на лекцию. Через полчаса она поерзала на жесткой скамейке, вытянула затекшие ноги и украдкой глянула на соседа. Он был высоким – похоже, привычка сутулиться была родом из детства, когда он быстро перерастал сверстников. Почерк аккуратный, понятный. Петька повернулся и посмотрел на Аню ровно в момент, когда она смотрела в его тетрадку через плечо:

– Покажешь, где тут можно перекусить в перерыве?

Ане почему-то и в голову не пришло съязвить и отказаться.

Они подружились, а уже через неделю были неразлучны. Потом, анализируя их дружбу и вспоминая, когда появилось чувство ровного покоя рядом с ним, она думала о дне их

знакомства. Петька просто был – отрешенно, без сомнений и суеты. Планета своей собственной космической системы со своими бездонными глазами-магнитами. Вместе они делали задания для семинаров, рассчитывали разные модели финансирования. Петька убедил ее, что им нужно разобраться не только в построении и ведении финансовой отчетности, но и в бухгалтерии. Они записались на дополнительный курс. У Петьки был план: через месяц он предложил ей открыть свою компанию по финансовому консалтингу, как только закончат учебу. Они все рассчитали: два года, чтобы пройти стажировку в компаниях большой четверки и разобраться, как строится бизнес; поднатореть в бухгалтерском и финансовом аудите на фрилансовых проектах, пусть и за небольшие деньги; а после – открыть свое дело.

Аня погрузилась в их мечту. Но что было вне плана – стала поглядывать на Петьку с растущим интересом, уходящим за границы дружбы. Ни разу Скука не сунула нос в их разговоры. Петька много читал, знал о мире в разы больше Ани. Он привил ей привычку читать русские и зарубежные новостные ленты, показал на примерах, как мировые события влияют на биржевые котировки. Петька начал подрабатывать биржевым брокером, инвестируя не только деньги клиентов, но и их скромные фрилансовые заработки в различные компании, в основном в сырьевые и разрабатывающие программное обеспечение. Редко что-то из заработанного он тратил на вещи и развлечения. Новые кроссовки в гар-

деробе появлялись только в случае невозвратной кончины предшественников. Петька мало спал, много учился, каждое божье утро бегал и тренировался на площадке во дворе общежития, работал, как машина. Голубые джинсы, пара черных футболок, одна голубая рубашка и в пир, и в мир, длинный пуховик на зиму, ветровка на теплый период – вот и весь его гардероб. На работу он ходил в костюме друга, щедро подаренном с барского плеча, – лучше, чем в помойку. И с каждым днем Аню все сильнее и сильнее тянуло к нему. Несмотря на всех воздыхателей, Аня всегда возвращалась к Петьке, даже не подозревавшему об этом.

Однажды они засиделись допоздна, заканчивая аудиторский отчет. Петька устал и по привычке положил голову Ане на колени. Она посмотрела на него, наклонилась и поцеловала. Как брата – в щеку, в порыве нежности. Петю как током ударило, он резко встал, не глядя на нее:

– Ань, ты чего? Ты же мой лучший друг!

Аня и сама не поняла, как вышло, как она решилась. Она выдавила из себя улыбку и наигранно легко бросила:

– Петь, угомонись, я же тебя не укусила.

Зрачки Петьки расширились, он выглядел испуганной мальчишкой, застигнутым врасплох и сияющим не пуститься наутек. Его несчастное лицо озадачило Аню:

Петь, да что случилось?

– Аня, пожалуйста, никогда, никогда так не делай. Я не могу и не хочу с тобой ругаться, я не хочу тебя потерять. Я

хочу, чтобы мы были друзьями всю жизнь. Ты мой самый близкий единомышленник. Но если я в тебя влюблюсь, я тебя обижу, и ты уйдешь. А я... – голос его стал еле слышным. – Я не переживу, если и ты уйдешь.

У Ани защипало в носу от его по-детски безысходного страха. Она на минуту забыла про ссадину на самолюбии, про боль от растаявшей надежды на Петькину взаимность. Она сдержала порыв обнять его, пожалеть. Друзья так друзья. Она переживет, сильная, но никто не может ей запретить спрятать свою любовь к нему на дальнюю полочку души. Пусть там живет столько, сколько захочет.

В памяти всплыл тот день, когда Аня узнала историю Петькиной семьи. Ей и в голову не приходило, что та Петькина боль до конца не зарубцевалась. Год назад они с друзьями отмечали в баре окончание сессии, и Петя необычно для себя набрался. Аня еле дотащила его до общежития. Слава богу, дежурила дружественный консьерж, и обошлось без скандала. Они поднялись в комнату, Петька сиротливо оглядел спартанское убранство: две кровати, письменный стол, поднятые белые рулонные шторы. Единственным украшением была политическая карта мира над кроватью и огромный кактус на подоконнике. Слезы побежали по его скуластым щекам, застревая в трехдневной щетине.

– Петя, Петька, что ты? Что случилось? – Аня оторопела. Петя, ее невозмутимый рациональный друг Петя, плакал, как отставший от мамы в универмаге малыш, – горько и без-

надежно. – Петь, что стряслось-то?

Петя поднял глаза, вытер слезы, поднял покрасневшие глаза:

– Ань, ее не стало. Она так и не успела... – отстраненно проронил он.

– Петь, Господи, о ком ты?

– Мама... Мамы не стало, – уже своим обычным голосом проговорил Петя.

– Петя, я даже не знала, что твоя мама была жива. Ты никогда не говорил о ней. Если хочешь, я тут, давай уж, выкладывай свои тайны.

Петя встал, прошелся по комнате и уселся на широкий подоконник, упершись лбом в холодное стекло. Он словно шагнул в детство сквозь пелену времени, сплетая ниточки истории своей семьи из собственных и отцовских воспоминаний. Его голос звучал, как голос диктора за кадром документального фильма – о другом Пете, его истории потери, надежды и безвозвратного расставания с матерью.

Мама Пети писала докторскую диссертацию. Он стал совершенно незапланированным проектом, родители Петьки скорее смирились, чем обрадовались, решив, что никогда не будет правильного времени для детей. Беременность давалась тяжело, роды были сложными. Появление кричащего младенца обрадовало только бабушек и дедушек. Мать пыталась работать и продолжала писать диссертацию, отец брался за дополнительные проекты, чтобы прокормить подросшее

семейство. Потом начались скандалы. Мама худела, постоянно была на взводе, даже когда сына попеременно забирали к себе бабушки и дедушки.

Когда Пете исполнилось полгода, маму пригласили работать в зарубежный исследовательский институт. Ее мечта сбылась: грант на исследования, позиция в крупной компании, достойный доход для семьи. Отец старался радоваться успехам жены, но для него это стало ударом. Он искренне любил свою кафедру, команду молодых талантливых ученых, и был категорически против ее с Петей отъезда. Через три месяца мама уехала с маленьким чемоданом, когда муж был на работе, а Петя у бабушки с дедушкой. Все, что осталось от матери, – записка на столе: «Такая жизнь не для меня. Сын вырастет – поймет».

Позже она писала и звала мужа с сыном к себе, но отец был непреклонен. Петя ждал встречи с матерью почти двадцать лет. И всю жизнь винил себя в ее отъезде. В то злополучное утро Стив, ее муж, написал о несчастном случае: пьяный подросток уснул за рулем. Это был единственный смертельный наезд в их тихом пригороде за десять лет. Пока Петя рассказывал свою историю, слезы беззвучно текли по его щекам. Аня понимала – он потерял мать второй раз. Уже навсегда.

Аня вспомнила тот холодный день, исповедь друга, и сердце засадило. Петька оградил себя высоченным забором из страха потерь. Вот как нескладно все получилось!

Петька... Петька, могло же быть так здорово вдвоем. Но Аня точно знала: жизнь – марафон, не стометровка. Она встала и решительно направилась на общую кухню общежития варить им кофе. Пусть и не хоромы, но чисто, аккуратно, есть новая техника. Пока они с Петькой были студентами-мечтателями, но Аня знала, они на пути к новой жизни. Главное – вместе. Еще поглядим, Петя! Еще поглядим!

Тени в цифрах

Время стало шустрым щенком. Оно несло, не слушась, не оглядываясь. Оно жило своей жизнью. Час, еще, и еще. Аня пыталась успокоиться, уговорить сердце не подпрыгивать от каждого звонка Петьки. Она просчитывала, переходила от одной таблицы с цифрами к другой. Она должна, должна понять... Что же это, где же оно тут прячется...

Летнее утро, когда все перевернулось с ног на голову, началось по-дачному спокойно. Аня проснулась рано, солнце золотило яблоню, упирающуюся зеленью в окно мансарды. Она сбежала сюда остановить центрифугу мыслей о Петьке и их компании. В пятницу датчик ее внутреннего аккумулятора горел красным, и побег за город на выходные был жизненно необходим. Натянув кроссовки, шорты и легкую кофту, она тихонько, чтобы никого не разбудить, прокралась на цыпочках по лестнице мимо кухни – вниз, к выходу. В который раз пожалев, что не пристроила к себе на второй этаж лестницу снаружи, Аня выпорхнула в свежесть июльского утра.

Где-то неподалеку пробовал силу голоса петух, ранние птицы перекидывались трелями, спросонья делясь новостями. Аня любила летние утренние пробежки. Она начинала не спеша, постепенно ускоряясь. Осталась позади их улица, впереди виднелись деревья, через которые лежала тропинка к озеру.

Лес пряно пахнул смесью хвои и прошлогодней листвы, где-то стучал дятел, добывая на завтрак микроскопических обитателей из-под старой коры. Бежать было радостно, легкие наполнялись лесной свежестью, кроссовки пружинили, Аня легко перескакивала через выступы корней и упавшие ветки. Ритмичное дыхание помогало приглушить внутреннюю радиоволну о работе и Петьке. Озеро издали улыбалось солнечными бликами на торфяном зеркале, заросли камыша, окаймлявшие берег справа, неподвижно замерли. Природа купалась в мягкой утренней неге.

Лето в этом году выдалось щедрым на теплые деньки. Упав на теплый песок и блаженно потянувшись, она залюбовалась чистой голубизной высокого неба. Сегодня ни одно облачко не затуманило его свод. Как было бы чудесно раствориться в этом утре, забыться в лете, выбросить работу и Петьку из головы. Но Аня знала себя – она не могла расслабиться с момента подписания контракта с венчурным фондом. Слишком они были скользкими. Ане тяжело далось послушать Петьку и дать себя уговорить. Ощущение опасности снова накрыло ее электрической волной и заставило вспомнить детство. Аня была с бедностью на короткой ноге. В четырнадцать лет, когда мама заболела, Аня год кормила семью, преподавала уроки английского школьникам. Тогда она поклялась себе, что у них с мамой будет лучшая жизнь, и с тех пор не сворачивала с намеченного курса. От неожиданно раннего звонка Аня резко села. На экране высветился номер

Петьки. Они едва поздоровались, как он затарабанил:

– Анька, нет времени. Они, они требуют результат! Завтра, до вечера! Господи, да что же это, – голос Пети упал, и было слышно, как он что-то бормочет себе под нос.

– Петь, кто они?! Что происходит?

Аня пыталась быстро перебрать в памяти, кто из клиентов мог так напугать Петьку.

– Аня, родная, ты умная. Те парни, наши акционеры, отдали нам их отчетность за год, чтобы мы нашли, где там топь. Они мне сейчас звонили и сказали, что если мы им завтра не покажем, куда у них денежки уплывают, они нас с тобой выжмут и выкинут, понимаешь? Сказали, что все отсудят. Анька, я же как чувствовал, что не надо было в их долбаном фонде деньги брать!

– Петь, уймись! – Аня наконец поняла. Чувствовал он! Чувствовать было поздно, сам их втянул в это. Она еще вчера на новостном сайте увидела заметку про конфликт внутри знакомого венчурного фонда. Им с Петькой там выдали подъемные под льготный процент – они представили изящный и легкий проект консалтинговой компании, которая помогала молодым предпринимателям развивать интернет-проекты. Что-то еще тогда напрягало ее в скорых на слово и дело парнях в дорогих костюмах, было нечто хищное в их манере, но Петька бился в конвульсиях счастья, рисовал радужные перспективы больших проектов и выход на хорошие бюджеты.

– Петь, они же просто попросили нас глянуть их бумаги. По-дружески, когда будет время... Они говорили, что им желательно получить наше заключение через месяц. А прошло всего три дня.

Их задача не сложная, вопрос времени. Не паникуй, никому не успеем уже из наших передать, сама посмотрю.

– Анька, я все понимаю. Но они жестко сейчас на меня наехали. Без нецензурщины, но сомнений мне не оставили. Сказали, что проценты могут из льготных стать крайне не льготными. Ань, мы же с тобой как рабы, нет, хуже – как галерные рабы, пахали три года. Мы не можем все потерять. Никак не можем! Пожалуйста!

Телефон замолчал. Аня бежала обратно к даче, прокручивая опять и опять в памяти цифры фонда. Не переодеваясь, схватила сумку с ноутбуком, сонного четвероногого друга Лучика и умело вырулила с дачного участка.

Спустя пару часов в тишине летней квартиры она искала, проверяла, высчитывала. Ждала своего откровения. Только Петька ее понимал – он знал эту магию, когда цифры начинали говорить, выдавая тайны их создателей. И вот они ожили. Она ясно увидела, как часть данных доходной компании стала размываться в течение полугода. Они дробили уверенный денежный поток на мелкие реки, речушки. Вот оно! Кто-то умело обмелял денежное русло наиболее успешных структур. Начались цепочки смены акционерного состава.

ва, с каждым кварталом доходность компаний таяла. В итоге их начали относить в категорию неликвидных и продавать на сторону.

Аня обратила внимание, что в акционерном составе нескольких сторонних покупателей мелькала знакомая фамилия жены одного из собственников фонда. Попалась! Цифры и логика происходящего выстроились в аккуратную мозаику. Жена вела свою игру. Из теневой номинальной пешки, едва говорящей по-русски, она выросла вот во что... Неужели она сама это все придумала? Кто из собственников с ней? Или никто из них, а есть еще кто-то... Аня устало посмотрела на Лучика. Он безмятежно спал рядом на диване, даже не представляя, как их жизнь может качнуться из зоны комфорта в борьбу за выживание.

– Эх, Лучик, ну мы с тобой и попали в переплет, дружище. Успеть-то мы с тобой успели, но как бы нам теперь не угодить на завтрак к этим «дружелюбным» акулам.

Аня потянулась и набрала Пете сообщение: «Петька, приезжай. Схему я вскрыла, там жена – серый кардинал, но ссориться с ней нам тоже нельзя, она может выкрутиться. Мы же не видим, кто еще с ней или кто ей управляет. Нам нужен план, что будем дальше делать. Надо понять, кто кукловод».

День клонился к закату. Аня обняла собаку, чмокнула в лохматые уши и вышла на балкон. Главное, чтобы Петя приехал. Рядом с ним не было ничего невозможного. Но... Одно «но» предательски скреблось в дальнем углу памяти. Это

уже второй раз, когда Петька продавливал свое решение, и их бизнес уходил в опасный занос. И Аня опять искала, как им выкрутиться. Одна.

На экране высветилось сообщение: «Ты голова! Прости, ехал к тебе, но меня перехватили по другому делу. Напиши, что думаешь. Завтра в 11 утра нам нужен план».

Аня замерла на минуту, не веря глазам. Как он мог так с ней поступить?! В самый сложный момент. В горле предательски встал ком обиды, сквозь непрошенные слезы буквы на экране телефона расплылись. Петька... ну почему? Почему самые близкие всегда ранили больше всего? Аня вытерла слезы, глянула на свое отражение в балконной двери – на нее смотрело покрасневшими глазами красивое бледное лицо. Вздохнув, она надела на Лучика ошейник, опахало хвостика радостно покачивалось в предчувствии прогулки в парке. Ей надо подумать, что делать завтра со вскрытой схемой. И что делать потом. С Петькой. Волшебство летнего вечера в полусумраке старого парка отвлекло, голова заработала ясно. Ничего, завтра будет новый день. Она все решит. Уже сама.

В плену искусства

Вот же привязалась эта песня, как назло. Убегая в офис, Аня всегда оставляла Лучику включенное радио на спокойной волне разговоров и романтических мелодий прошлого. Она красилась в прихожей, когда краем уха уловила знакомые с детства слова: «Старинные часы еще идут, старинные часы – свидетели и судьи... Когда ты не сумел меня понять...»

Настроение и без этого было не очень, а тут еще эта вселенская скорбь. Да и откуда ему быть хорошим? Петька вторую неделю вел себя, как одержимый. Каждый их разговор срывался в склоку. Петька не слушал. Его несло непонятно куда. Точнее, понятно – Петька влюбился без памяти и как в омуте утонул. Его драгоценная во всех отношениях Леночка – тоненькая хищница из балетного училища – буквально посадила его на поводок из лент для пуантов. Гибкой лианой обвивалась вокруг него и с каждой встречей выдавливала остатки воли и разума.

За месяц знакомства с Леной Петьку словно подменили. Он с трудом фокусировался на задачах, голова была где угодно, но не в делах. Новая подружка стала для него центром притяжения, вся жизнь вращалась вокруг нее. Утром Лене летел букет, в обед они ехали в ресторан – подарки сыпались на Леночку как из рога изобилия. Было бы не жалко, если

бы не ее просчитанная манера приближать его и отталкивать, устраивать спектакли по каждой мелочи. Аня видела, как Лена лишала Петьку воли. Через три недели он подарил ей платиновое кольцо с голубым топазом и россыпью бриллиантов «в цвет прекрасных глаз». Неделей позже купил тур в клубный СПА-отель на далеких островах с белым песком, потому что «Леночке надо отдохнуть, конец сезона, поедем восстанавливать силы».

Аня пришла на работу рано. Утренний уютный офис – кабинет, кофе-пойнт и переговорная на втором этаже трехэтажного особняка в сердце Москвы встретили тишиной и прохладой. Смолв кофе и выбрав двойной эспрессо, Аня с нежностью посмотрела на кофемашину, как на дорогого друга. Никакие капсулы не давали настоящий богатый вкус. Она взяла розовую фарфоровую чашку с золотой ручкой, вдохнула восхитительный аромат арабики с корицей и направилась в их с Петькой кабинет. Все в офисе было, как она любила: высокие потолки, окрашенные в белый кирпичные стены, пара зеленых земиакулькасов на широком подоконнике и утонченные абстрактные картины Маши – известной художницы и ее подруги.

Аня остановилась и посмотрела на фото Петькиной новой пассии, торжественно выставленное слева от монитора компьютера: маленькие глубоко посаженные стальные глаза, узкий лоб, вздернутый нос, пухлые губы, голова с затянутыми в хвост волосами, гордо сидевшая на длинной шее. Стран-

ный гибрид плотоядного хищника и вьющегося растения-паразита. Аня пыталась понять, что ее интеллигентный эрудированный друг нашел в этом приземленном расчетливом существе, но ее мысли прервал звук торопливых шагов. Петька влетел в кабинет, не глядя на Аню, упал на белый кожаный диван, и тот жалобно скрипнул под ним. Ане стало не по себе. Внутри что-то сжалось от саднящего предчувствия. Ее спрятанное за много замков чувство к Петьке в момент уловило угрозу.

– Ань, я решил. Я сделаю Леночке сегодня предложение. Я не могу без нее. Если ее рядом нет, мне нечем дышать, понимаешь?! Это сладкая боль, а она – единственное лекарство, – торопливо выпалил он, почему-то не глядя на Аню. – И еще, – он запнулся и поднял глаза, – Лена говорит, что ты ее ненавидишь, что ты против наших отношений и ты сама в меня влюблена! Представляешь, такую ахинею вбила себе в голову! – Петя натянуто рассмеялся, пытаясь сгладить неловкость от своего нервного пассажа.

Аня почувствовала, как в комнате упала температура, ей стало зябко. Это маленькое животное нутром чуяло то, что ей знать не положено. Лену звериный инстинкт не подвел. Аня встала и потянулась к вешалке за пиджаком. Пальцы предательски дрожали, с трудом застегивая пуговицы. Она потеряла Петьку, ее самого близкого друга, ее любовь. Аня надела на лицо пластиковую улыбку и присела на край дивана:

– Петь, я очень рада за тебя. Ты же знаешь, я тебя люблю,

как друга, успокой Лену. Войны не будет, нам с ней нечего делить, – она взъерошила Петькины волосы и подмигнула ему. Ей тяжело дался этот фарс. Хотелось закричать, встряхнуть Петьку за плечи, чтобы он очнулся от этого морока и снова стал собой – ее настоящим Петькой, глубоким и ясным, которому нет дела до пустозвонства и всякой мишуры. Аня прокрутила в голове эту легкую потасовку и заторопилась на встречу. Схватка предстоит – она понимала. Как и то, что ей нет равных в теневых играх. Надо успокоиться и развлечься: вой на не терпит истерик и суеты.

Такси несло Аню в ресторан на randevу со Славой – ее новым поклонником. Настроение улучшалось в предчувствии легкого романа и предстоящей борьбы. Аня с ухмылкой подумала про Лену, крася губы в алый: «Удачи тебе, детка! Не в свою лигу метишь!» Удивительно, как любимая помада ловко переключала ее в режим приключений и удовольствия.

Зеркальце дорогой пудреницы, отделанной черной кожей и перламутром, отражало худое лицо, свежий персиковый румянец, голубые глаза, умело подчеркнутые серо-розовыми тенями в обрамлении густых, чуть тронутых синей тушью ресниц. Яркая помада оттеняла свежий макияж, Аня любила этот цвет, он был из детства – любимый оттенок ее бабушки. Когда Аня красила им губы, казалась красивее и мудрее, словно видела себя повзрослевшую со стороны.

Модный ресторан сочетал классику кремовых скатертей, тончайший фарфор посуды и едва различимый фон современной лаунж-музыки. Они уютно устроились у окна с видом на сквер, вдали виднелась белокаменная церковь с разноцветными маковками, позолоченными полуденными лучами.

Слава был среднего роста, спортивный – горы и океаны были его стихией. Про таких говорят: «одни жилы». Аня любила этот типаж – ничего лишнего. Их первый вечер в людях после знакомства в пятничной сутолоке бара и нескольких дней болтовни в Телеграм мягко обволакивал обоих нарастающим магнетизмом. Тревога за Петьку, обида и злость ослабляли хватку. Ей нужен был тоник свежих эмоций, чтобы разбавить горький коктейль переживаний последних дней. Она мысленно вздохнула и дала потоку вечера увлечь себя. По инерции Аня глянула на правую руку Славы, след от обручального кольца на безымянном пальце понизил градус его очаровательности. В полумраке бара в прошлую пятницу эта деталь ускользнула. Аня не выбирала вдолгую «помеченных» мужчин, не любила шаблонные мелодрамы с заученными репликами: «Понимаешь, мы с ней вместе, но... только ради... а то мы бы давно уже...» Ее внутренний Станиславский кисло кривился от дилетантской фальши.

Слава поймал ее взгляд и посмотрел прямо в глаза:

– Я ничего не скрываю, забыл сегодня в ванной. У меня есть обязательства перед женой, я их выполняю. Но дальше

моя жизнь – только моя. Аня, ты мне очень понравилась. Мы можем быть и друзьями, не вычеркивай меня быстро, – он взял ее руку сухой ладонью с застарелыми мозолями покорителя морских просторов. Аня улыбнулась, дала себе пару мгновений побыть в ускользящей дымке романа и освободила руку. Ну что ж, можно хотя бы попробовать провести время интересно.

Аня чувствовала что-то в этом парне, что подогревало ее любопытство:

– Слава, как вы с женой пришли к этому? Почему не быть обычной счастливой парой с блинчиками по утрам, семейными новогодними застольями, ссорами, примирениями, с детьми, наконец? Зачем эта странная игра? Кто все начал? – Аня сделала глоток холодного терпковатого Сава и не спеша поставила изящный бокал на тонкой ножке. Она наблюдала, как его глаза стали серьезными, улыбка из игривой превратилась в сдержанно вежливую. Слава расстегнул пуговицу белой рубашки, подчеркивающей легкий загар.

– Я влюбился в нее еще в институте, с первого взгляда. Однокурсница позвала сходить на отчетный спектакль подруги в балетное училище. – Аня слегка поперхнулась игривым, при этом жестом попросила рассказчика продолжать. Что за странный день, она подхватила, похоже, балетный вирус! Слава кивнул и продолжил.

– Ради разнообразия я составил ей компанию. Зал был забит. Красивая музыка, изящные фигурки, но было душно и

затянуто. Одна балерина выделялась на фоне остальных: она была тоньше, с живыми гибкими веточками рук, прыгала так высоко, будто с гравитацией у нее свои счеты. Ее звали Алена – это и оказалась та самая подруга детства. – Слава сделал глоток белого вина и слегка растер виски, словно помогая мыслям складываться в слова. – Мы начали встречаться, но я всегда был номер два – до, после свадьбы. Классическая ситуация: я любил ее, а она – искусство. И меня, если оставались силы. Алена стала прима-балериной: гастроли, поклонники, я в это время строил свою компанию. Мы догадывались про романы друг друга, но всегда сохраняли лицо и теплую дружбу. Потом травма, год реабилитации, и врачи вынесли вердикт: со сценой покончено, а если родит – будет в инвалидном кресле. Мечты о детях растаяли. Алена преподает, мы с ней друзья, у нас есть общая жизнь и есть наши частные, – Слава сделал еще глоток, расправил плечи и с интересом глянул на Аню.

– Ты меня изучаешь? Зачем тебе? – он слегка улыбнулся и немного наклонил голову вправо, как будто вслушиваясь в ее внутренний монолог.

– Знаешь, мне любопытно, как люди строят долгие отношения. – Аня задумалась, поигрывая маслиной на деревянной вилочке. – Взять вас с Аленой: двое ярких и успешных, свою концепцию счастья подстроили под реальность – дружба, комфорт и свобода. Рационально. А страсти вы добираете на стороне, охраняя свою общую жизнь от потрясений. –

Аня смотрела на него спокойно и отстраненно. Классный парень, но быть любовницей женатого кавалера не входило в ее планы. Она могла быть только номером один – Альфа и Омега. Флер развеялся, но парня рано было отпускать. Еще было важное дело – Лена.

– Слава, у меня друг скоро женится. Все молниеносно, мы мало что знаем про невесту-балерину. Можешь ли помочь, узнать про нее у Алены? Вдруг она у нее преподает. Думаю, там все друг друга знают. – Аня положила ладонь поверх его и слегка сжала, глядя в глаза с нежной улыбкой. Слава подался вперед, поднес к губам ее руку и поцеловал. Сердце Ани подпрыгнуло от интимного жеста. А парень оказался чувственный – руку обдало жаром. Может, и зря она его сразу списывает со счетов?

– Аня, как я могу тебе отказать? Завтра позвоню, как узнаю, – глаза Славы потемнели от расширившихся зрачков. Парень определенно знал толк в обольщении. Как говорила одна Анина подруга про таких мужчин – многообещающе хорош. Но чувство, что это одноразовая страсть, не отпускало. Аня поддержала игру во флирт и ответила откровенным прямым взглядом, позволив улыбке слегка поднять уголки губ. Слава мушкой подрагивал в ее паутине. Попался. Сажая Аню в такси, он притянул ее к себе, не желая быстро ставить точку во встрече. Но Ане было достаточно. Она получила свою безопасную дозу страстей, пора домой.

Прокручивая перед сном в своей уютной спальне кадры

дня, Аня осталась довольна. Мир был к ней добр, и она отвечала взаимностью, но пленных не брала. Лене не место ни в ее, ни в Петькиной жизни.

Парк был тихим и прохладным. В шесть утра редкие птицы щебетали в высоте старых крон: как у истинных москвичей радости раннего подъема были у них не в чести. Аня бежала, гравий шелестел под легкими кроссовками. Сердце метрономом задавало ритм, дыхание ускорилось. Первые лучи солнца, как котята, касались кожи сквозь кружево листьев: вдох-выдох, вдох-выдох. Она чувствовала, Слава точно что-то раскопает. И оттягивать он не будет, потому что ему не терпится встретиться с ней. Прощальный поцелуй около такси был волнующим.

Звонок вывел ее из легкого оцепенения. Ну что за дурные манеры звонить без предупреждения! Аня поморщилась, но мгновенно сменила гнев на милость, взглянув на экран.

– Привет, страстный Слава, – промурлыкала она, – так рано и уже в делах?

– Аня, ты тоже не сны досматриваешь. В этой голубой футболке в обтяжку и белых шортиках тебя не отличить от старшеклассницы.

Аня притормозила и удивленно оглядела дорожки просыпающегося парка. На скамейке неподалеку сидел свежий, гладковыбритый Слава. Белая свободная футболка, широкие джинсовые шорты ниже колен, мокасины из светло-се-

рой замши. Аня на минуту им залюбовалась. Съесть бы его на завтрак и запить вкусным кофе.

Она подошла и остановилась напротив. Он пробежался цепким взглядом по ее сухой фигуре и постучал по свободному месту на скамейке рядом с ним. Аня улыбнулась, но продолжала стоять, выравнивая дыхание. Растянув мышцы ног и спины, она с заинтересованной улыбкой посмотрела в спокойные голубые глаза, ожидая, что он начнет первым.

– Я узнал о вашей невесте. Лена – подающая надежды балерина, надо отдать ей должное. Алена, конечно, удивилась, моему вопросу, но что-то скрывать нет смысла. Девчонка попала в балетную школу из сибирского поселка. Там очень сложная история, Алена читала материалы ее дела. Мать Лены готовила ужин, когда пришел пьяный муж и стал все крушить. Она заперлась в ванной, потом выскочила на звон бьющейся посуды и бросилась с кулаками на отца. Он отшвырнул ее. Лена ударилась головой о край столешницы, отключилась, а когда очнулась, в доме уже были полиция и врачи. Мать сидела в наручниках – хотела защитить ребенка и схватилась за нож. Мужик не выжил. Дали пятнадцать лет строгача, а Лену отправили в детский дом.

Аня была в ужасе. Из уютного летнего парка ее выкинуло в момент трагедии маленькой девочки: мать в отчаянии, нож, точка невозврата, глухая боль. Она невольно закрыла ладонями губы, словно сдерживая тяжелый вздох.

Слава молчал, задумчиво разглядывая верхушки позоло-

ченных утренним солнцем сосен, а потом снова заговорил:

– Алена говорит, что Лена была нелюдимой первый год, упорно занималась в зале до кровавых мозолей, не жаловалась, была как проволока повышенной прочности. С возрастом стала самоуверенная, надменная и холодная, но к ней все равно все липли. У нее нет подруг, скорее свита. Все знали, что становиться на пути Лены опасно. Однажды ей дали вторую роль в годовом отчетном спектакле вместо первой. В итоге девочку-исполнительницу ведущей партии увезли с острым отравлением. Сама понимаешь, кто постарался... В семнадцать лет у Лены появился богатый поклонник, а с ним своя квартира, машина с водителем. Ходили слухи, что Лена пошла ва-банк и выслала жене любовника фотографии. Неделя в больнице со сломанными ребрами и фингалом на пол-лица присмирили ее, но ненадолго.

Аня рассмеялась. Вот тебе и Леночка – воздушная и вдохновенная. Теперь понятно, откуда такая хватка. Но глуповата – получила за шантаж по своей маленькой мордочке, впредь будет умнее. А Петька, конечно, вляпался. Одно Аня не понимала – почему он? Почему она сделала ставку на него? Дорогими отелями и букетами ее не удивить. Зачем она в него проросла?

– Слава, Алена часом не упоминала о планах Лены выйти замуж? – Аня замерла, она чувствовала, что это утро было фокусником с множеством зайцев и голубей в шляпе.

Слава таинственно улыбнулся и явно наслаждался ее на-

растающим нетерпением.

– Лена как-то после спектакля заказала фрукты, шампанское и поделилась со свитой, что больше не будет связываться с богатыми идиотами. И у нее есть на примете один влюбленный мальчик, ничего особенного, но перспективный. Одна проблема, у него есть бизнес-партнер, стерва, говорит, что быстро с ней разберется. Парень влюблен до потери пульса, дрессируется быстро.

Аня сжала край скамейки до боли. Жалость, быстро пробравшаяся и смягчившая образ Петькиной избранницы, растаяла мгновенно. Во рту появился стальной вкус крови от прикушенной губы. Вдох – раз, два, три – выдох. И еще раз. И еще. Кровь перестала биться в висках, кожа на груди больше не горела. Попалась, надежда балета! Не видать тебе Петьку!

Аня повернулась и посмотрела на Славу. Ну до чего ж он хорош, чистый соблазн. Аня импульсивно поцеловала его, вкладывая в поцелуй и томление несостоявшегося романа, и благодарность, и прощание. Сделав усилие, она отстранилась от Славы, встала и сладко потянулась. На душе было легко, солнечный день становился жарче, и голова немного кружилась от феромонов, лета и предчувствия, как сладко она вырвет эту хищную балетную лиану из их с Петькой жизни.

После пробежки Аня быстро собралась и выпорхнула в утреннюю суету любимого мегаполиса. Она редко водила в

будни, но сегодня ей захотелось побыть за рулем, потолкаться в пробке, разложить в голове сценарий разговора с Петькой. Ему будет больно? Да. Она может не говорить ему? Нет. Варианты умалчиваний и долгих прелюдий отпали сразу. Петька только разволнуется и повысит градус, если она будет пытаться смягчить. Аня глянула на себя в зеркало и осталась довольна – свежая, красивая, сфокусированная на своей цели. Она решила без обиняков, по-взрослому рассказать все другу. Что тянуть зуб долго? От этого менее больно не станет.

На светофоре она задумчиво смотрела в высокое яркое небо и почувствовала на себе взгляд.

Красивый парень на пассажирском сиденье соседнего кабриолета сложил ладони сердечком и бросил ей. Аня рассмеялась и жестом показала, что поймала. Загорелся зеленый и развел их в разные повороты, но улыбка играла на ее губах до самой офисной парковки.

На работе Аня погрузилась в проект, но то и дело перед глазами вставал образ Петьки. Глубоко в душе ей было жаль и его, и юную хищницу, по сути никогда и не выбравшуюся из морока той страшной сибирской ночи. Но отдавать Петьку в такие руки Аня не собиралась. Если бы настоящая любовь, она бы смирилась и отошла в сторону – Аня не любила разрушать чужое. Она просто брала свое, но без выжженных деревень.

Через полчаса Петька пришел раздраженный, отказался

от кофе. Просто сидел, положив ноги на стол, и смотрел на пустой летний сквер за окном. Разговор с первой фразы о Лене наполнил комнату электричеством, в воздухе повисли обида и раздражение. Надежды утра на быструю победу разбились вдребезги, раскидав осколки Петькиной ярости по офису – книги были скинуты с полок, Анина любимая кружка разбита, а стулья перевернуты и брошены посреди комнаты. Он бесновался, метался, как раненый хищник по клетке. Он рычал от злости, кричал, что Аня разбила его жизнь, что это все бред, Лена не могла, она его любит! Но, говоря со Славой, Аня незаметно включила диктофон, его слова были слышны отчетливо. Петька не мог отрицать очевидное. Выбегая из офиса, он обвинил Аню во всех грехах и кинул, что знать ее больше не хочет. И никогда не простит. Аня ошарашенно смотрела на опустевший разгромленный офис, руки бессильно лежали на столе. В голове слышались крики друга. Она зажмурилась и опустила голову на руки. Как же больно, тошно и больно. Но это было временно – Аня знала и заставила себя открыть глаза.

Хорошо, что кофемашину не разбил, влюбленный идиот. Аня медленно подошла к верному кофейному другу, сварила чашку божественного дымящего эликсира и прихватила из корзины любимую с детства конфету с белой начинкой «Летняя романтика». Пара глотков и тающая во рту помадка сотворили чудо – боль притупилась.

Всю следующую неделю Петька не отвечал на звонки и

сообщения. В жизни Ани стало сумрачнее. Они никогда так крепко не ссорились. Все валилось из рук. Грусть и сожаления накрывали дни серой мутью. А потом вдруг с теплого побережья прилетело приглашение от подруги. Это был знак. Аня за пятнадцать минут купила билет, и тем же вечером железная птица взмыла в малиново-оранжевое закатное небо, унеся ее в другую жизнь – к теплым волнам и новым мыслям. Завтра утром все будет по-другому, думала Аня в счастливом предчувствии глубокого сна. Завтра она обнимет Машу, и они все придумают. Завтра.

Любовь в Персидском заливе

Текила лилась рекой, веселье было ярким, громким. Красные лучи выхватывали из тьмы и тут же бросали в небытие диджея вместе с волнами танцующих.

Аня с Машей плясали уже часа четыре – красивые, счастливые. Обе в коротких дерзких черных платьях на ниточках-бретелях из кристаллов Swarovski. Блондинка и брюнетка, с ярко-красными губами, как два сладко пообедавших вампира. Аня любила этот никогда не спящий мегаполис дорогих машин, парящих в раскаленном небе небоскребов, энергию процветания, неутолимую жажду любить и прожигать жизнь. Дубай давал ей острое ощущение свободы и безграничных горизонтов. Но она приехала в этот раз с багажом обиды на Петьку, горького понимания, что запуталась и устала гоняться за его призрачной любовью. Ей надо переключиться – ночная жизнь Дубая дарила много возможностей для этого.

В день прилета подруги отдохали в любимом баре. Это уже стало их традицией – приходить сюда в первый и последний день визита Ани. Маша в Дубае обосновалась окончательно, а она сама только начинала присматриваться к этой земле, пробовать местную жизнь, прислушиваться к ее ритмам.

Пятница в этот бар затягивала готовых безудержно весе-

литься жителей и гостей мегаполиса, заряженных солнечной энергией пустыни.

Томные местные крутобедрые тусовщицы, подсушенные европейки, тонкие и не очень северные красавицы – мужскому глазу было чему порадоваться. Парни разномастной волной прибывали в бар – компаниями и поодиночке. Красивые лица, стройные фигуры, вечерние дерзкие женские наряды и более консервативные мужские с преобладанием темных тонов. В воздухе скапливалось электричество веселой ночи с искрами знакомств, флирта и новых романов.

Маша пошла поправить макияж: принцесса однажды – принцесса навсегда. Аня присела за стойку бара, машинально открыв *The Economist*. Хитросплетения войн, кризисов, перетасовка колоды больших игроков на просторах мировой экономики выключили ее из суетливого многоцветия притомившихся тусовщиков.

– Как дела? Какие планы дальше? – голос прозвучал будто из другого измерения. Ей стоило усилий вспомнить, где она.

– Я бы кофе выпила, – ответила она скорее себе, чем приятному парню в черной футболке и джинсах. Где-то промелькнуло, что, возможно, айтишник. Типаж – минимализм и легкость. Улыбка простая и открытая.

Через пять минут Маша вернулась – красивая и энергичная, будто и не было разгульной ночи. Город у моря определенно давал ей много сил. Аня, глядя на подругу, улыбнулась ее свежести, которая передавалась, как порыв свежего ветра.

– Котик, ты жива, что у нас тут интересного? – Маша украдкой осмотрела айтишника. – Ну что ж, почему бы и нет.

Они перекинулись парой фраз с новым знакомым и решили найти место, где можно встретить рассвет с эспрессо и свежесжатым соком. Московская привычка переключаться с режима тусовочной ночи на утро в стиле ЗОЖ со смузи и минералкой автоматически сработала. Аня потянулась к счету, но он оказался уже закрыт. Хотя им с Машей вполне было по средствам позволить себе хорошо проводить время, оплаченный счет все-таки порадовал, как жест мужского внимания. Аня вспомнила, сколько раз она платила за Петю, и он воспринимал это как должное. Она была для него «своим парнем»: не надо было придерживать дверь, дарить цветы, в порядке вещей брать в долг и забывать отдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.